

ПОСТМОДЕРНИЗМ В ОБРАЗОВАНИИ И СИСТЕМНЫЕ ИНВЕРСИИ

Севостьянов Дмитрий Анатольевич,

кандидат медицинских наук,

доцент кафедры кадровой политики и управления персоналом

Новосибирского государственного аграрного университета,

Россия, 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160

ORCID: 0000-0002-7142-3188

dimasev@ngs.ru

Аннотация

Статья представляет собой нечто вроде развернутой рецензии на статью П.А. Ореховского и В.И. Разумова «Время карнавала: российские высшая школа и наука в эпоху постмодерна». Рассматриваются основные проблемы, поднятые в этой статье. В качестве теоретической базы исследования применен метод анализа инверсивных отношений в иерархических системах. Системная инверсия – форма отношений в иерархических системах, при которой низший элемент получает в системе главенствующее значение, формально оставаясь в прежнем подчиненном положении. Данная ситуация может возникать как в социальной иерархии, так и, например, в иерархии ценностей. В результате развившейся инверсии в системе накапливаются противоречия, способные привести эту систему к распаду или к коренной трансформации. Такие процессы можно наблюдать и в современном образовании. Именно с этим связан приоритет видимого над сущим, как это бывает в ситуации «карнавала». Изложена трактовка ситуации постмодерна с позиции анализа системных инверсий. Современное состояние образовательной отрасли обусловлено разрешением инверсии в системе человеческой активности. Эта инверсия охватывает инструментальный и символический аспекты человеческой деятельности. Благодаря этому появляются особенности образовательной деятельности, связанные с внедрением цифровых технологий, на которые обращают внимание П.А. Ореховский и В.И. Разумов. Авторы рассматриваемой статьи описывают статус деятельности современного преподавателя как «духовную проституцию». Действительно, деятельность некоторых преподавателей может быть описана этим термином. Однако это происходит в том случае, когда и со стороны преподавателя, и со стороны обучающегося наблюдается ценностная инверсия (как это бывает при обыкновенной проституции). Взамен данной модели поведения предлагается другая, более достойная – «солдат культуры». «Солдат культуры» не «оказывает образовательную услугу», он не-

сет миссию по трансляции и обогащению культуры, которая составляет высшую, терминальную ценность.

Ключевые слова: образование, культура, деятельность преподавателя, иерархия, системная инверсия.

Библиографическое описание для цитирования:

Севостьянов Д.А. Постмодернизм в образовании и системные инверсии // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 1, ч. 1. – С. 52–68. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-52-68.

Введение

Статья П.А. Ореховского и В.И. Разумова [8] посвящена системному кризису, в котором находится в наши дни отечественное высшее образование. Но речь не только о констатации того, что высшая школа пребывает в кризисе. Это положение уже давно, увы, стало общим местом. Заслуживает внимания прежде всего культурно-историческая ситуация, в которой, собственно, и развивается этот кризис. Речь идет о культурной среде постмодерна, в какой и функционирует современное отечественное образование. Выявление сильных и слабых сторон рассматриваемого текста послужило своего рода отправной точкой для того, чтобы развить в положительной форме некоторые собственные взгляды, затрагивающие и ситуацию в отечественной высшей школе, и особенности культурной среды, в условиях которой эта ситуация разворачивается на наших глазах.

Статья П.А. Ореховского и В.И. Разумова относится к жанру научной публицистики. Этот жанр часто путают с научно-популярным [13], но, в отличие от него, данный жанр подразумевает раскрытие проблем, носящих как социальный, так и научно-педагогический характер, а не просто доведение до сведения широкой публики результатов тех или иных научных изысканий. С этой задачей авторы, безусловно, справились. При этом обсуждаемая статья достаточно неоднородна. В ней затрагивается несколько проблем. Развернутый анализ каждой из них потребовал бы гораздо большего по объему текста, нежели сама эта статья. Но одна из этих проблем, касающаяся, как следует из заголовка, функционирования высшей школы в условиях постмодерна, по-видимому, в наибольшей степени нуждается в анализе. А раз проблема выведена в публичный дискурс, то всякий критический отзыв на такого рода статью должен содержать некоторые конструктивные предложения. С этой целью в обсуждение вводится когнитивный конструкт системных инверсий. Здесь необходимо некоторое предварительное изложение данного вопроса, позволяющее предоставить научно-теоретическую базу для дальнейших рассуждений.

Системные инверсии. Прологомены

Системная инверсия – форма отношений в иерархической системе, при которой некоторый низший элемент фактически приобретает в данной системе главенствующее значение, оставаясь формально в своем прежнем подчиненном положении. Тем самым возникает противоречие между *местом* и *ролью* элемента в иерархии. Противостоят инверсиям базовые иерархические отношения, в рамках которых сохраняется исходный порядок. В контексте данного исследования они обозначаются как отношения ордера. Этот термин и ранее применялся зарубежными и отечественными авторами для обозначения изначально упорядоченных системных отношений [1, 15, 16].

Способность к формированию инверсий представляет собой общее свойство сложных иерархических систем. Значение познания системных инверсий поистине велико; упустив инверсивные отношения из виду, невозможно сформировать адекватную когнитивную модель рассматриваемой системы [10]. Однако до сих пор на практике при анализе любой сложной иерархической системы в первую очередь, как правило, рассматриваются отношения ордера, а инверсивные отношения попадают в поле зрения исследователя не всегда и часто «по остаточному принципу». Это положение имеет под собой вполне объективные основания: в период становления той или иной сложной иерархической системы вначале обычно в ней формируются отношения ордера. Инверсии проявляются позднее как незапланированный и порой нежелательный побочный эффект развившихся системных отношений. Иначе говоря, появление инверсий возможно при условии, что отношения ордера в данной системе уже существуют некоторое время (и в течение этого времени могли стать объектом исследовательского внимания), и за это время вполне способны сформироваться представления об этой системе, ставшие общепринятыми.

Особый случай составляют искусственно созданные системы. В них системные инверсии на стадии замысла (проекта) обычно не планируются и не предусматриваются. Их появление становится нежелательным сюрпризом, вследствие чего и сами инверсии часто рассматриваются как глубоко случайное и внесистемное событие. Образование безусловно может быть отнесено к таким искусственно созданным системам, и если рассматривать данную систему вне анализа инверсивных отношений, то можно получить некоторую совершенно оторванную от жизни модель, по сути дела симулякр, возвращающий нас к недоброй памяти «бездетной педагогике» [2, с. 77].

Далеко зашедшее развитие системных инверсий приводит систему к утрате ее идентичности, а в итоге и к разрушению. Но парадокс заключа-

ется в том, что инверсивные отношения, просуществовав определенное время, «срастаются» с системой (а вернее, она приспосабливается к ним); теперь уже насильственное изъятие инверсивных отношений также становится для системы разрушительным.

Инверсивные отношения возникают в иерархических системах вследствие того, что в сложных иерархиях действует одновременно несколько организационных принципов. Каждый такой принцип в отдельности составляет основание для размещения того или иного элемента в системе именно на данном, а не на каком-либо другом иерархическом уровне. Организационные принципы могут быть как сущностными (опирающимися на неотчуждаемые, имманентные свойства иерархических элементов), так и атрибутивными (базирующимися на изменчивых, факультативных свойствах, т. е. на некотором внешнем атрибуте иерархического элемента). Например, хронологический принцип (определяющий положение элемента в иерархии на основании того, младше он или старше, чем другие элементы) – принцип сущностный. Имущественный принцип в социальной иерархии, согласно которому субъект занимает более высокую или низкую позицию в социуме в зависимости от своего материального достатка, – принцип атрибутивный. Примечательно, что образовательный принцип (располагающий субъектов выше или ниже по социальной лестнице исходя из уровня их образования) может расцениваться и как атрибутивный, и как сущностный: пока образование еще не получено, оно может рассматриваться как не присущий изначально субъекту внешний атрибут, но когда образование уже обретоно, оно составляет неотъемлемое, сущностное свойство данного субъекта.

Во многих случаях эти организационные принципы действуют согласованно (однаправленно), тогда инверсий в иерархии нет и сохраняются исходные отношения ордера. Но нередко один организационный принцип противоречит другому; в результате согласно одному организационному принципу некоторый элемент в иерархии находится в подчиненном положении, но другой такой принцип позволяет этому же элементу претендовать на главенство.

Как правило, если в системе взаимодействуют сущностный и атрибутивный организационные принципы, то отношения ордера задаются сущностным принципом, а «инициатором» инверсий становится атрибутивный принцип. Именно такая инверсия и ведет в конечном счете такую систему к распаду. Однако в иерархических системах встречается и парадоксальная инверсия, когда (в силу ряда причин) инверсия возникает именно в результате действия сущностного организационного принципа. Эта инверсия может разрешиться, если действие атрибутивного принципа подстроится под действие принципа сущностного: вовлеченный в нее эле-

мент совершит в итоге акт внутрисистемной мобильности и переместится в системе на высшую позицию, а сама система совершит тем самым шаг в поступательном развитии. Для рассматриваемой темы это критически важный момент. Такая ситуация может сложиться, в частности, потому, что некоторые организационные принципы (например, образовательный) могут фигурировать в качестве и атрибутивного, и сущностного (смотря по обстоятельствам), а также потому, что значимость отдельных организационных принципов в данной системе неодинакова и непостоянна.

Инверсии часто проявляются в социальных иерархиях, но не только там. Так, например, инверсии возникают в иерархии ценностей. В этой иерархии действует два основных организационных принципа: конституциональный и мажоритарный. Конституциональный принцип – сущностный, он выводит на иерархическую вершину те ценности, которые необходимы для существования общества (а вне общества не могут существовать и ценности). Мажоритарный (атрибутивный) принцип показывает, какие именно ценности в данном социальном сообществе разделяет большинство. Пока большинство поддерживает просоциальные ценности, способствующие сохранению общества как такового, в ценностной иерархии действуют отношения ордера. Но если в обществе (у большинства его членов) возобладают ценности сугубо эгоистические, просоциальные ценности окажутся в упадке, налицо будет ценностная инверсия, и такому обществу будут угрожать атомизация и распад.

Инверсии встречаются и в структуре человеческой деятельности, и их понимание уже вплотную подводит нас к сущности «общества спектакля» [5] или «карнавала» [3], обсуждаемого в статье П.А. Ореховского и В.И. Разумова. Разумеется, этот «карнавал» – явление многогранное. В него включено множество иерархических линий подчинения: деятельностных, аксиологических, социальных, и, соответственно, в нем проявляется целый ряд всевозможных инверсий. Несомненной остается лишь его всеобъемлющая инверсивная природа.

Так, например, осуществляя какую-либо деятельность, человек всегда контролирует ее результаты. Некоторые параметры воспринимаемой реальности позволяют ему судить о том, насколько эта деятельность успешна, и восприятие этих параметров порождает у субъекта деятельности соответствующую эмоциональную реакцию. Эти оценочные действия носят служебный, иерархически подчиненный характер. Если же в результате системной инверсии такие оценочные действия выходят в структуре деятельности на первый план, то сама деятельность переходит в свою превращенную, имитационную форму. Оценивается в этом случае не сама деятельность, а лишь некоторые *показатели* деятельности, в действительности обычно не отражающие существа дела. Именно это мы и наблюдаем

в нынешней «карнавальной» реальности. Однако эта реальность формируется в культурной среде постмодерна, и для того чтобы вполне оценить ситуацию в современном образовании, которая сложилась также под воздействием этой среды, следует обратиться к природе самого постмодерна – также с позиций анализа инверсивных отношений в иерархических системах.

Постмодерн и образование

Постмодернизм может рассматриваться как философская концепция, как система взглядов на мир и общество. В этом случае для понимания его сути нам следовало бы погрузиться в анализ трудов тех авторов, которые, собственно, сформировали эту концепцию: Ж. Дерриды, Ж. Бодрийера, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза и других. Однако тогда мы стали бы в данном вопросе в определенном смысле заложниками мнений перечисленных философов и их субъективности. Постмодерн может интересовать нас и как своего рода культурная эпоха, как некоторая объективная данность, не зависящая от каких-либо частных мнений. Именно эта объективная данность создает те реальные условия, в которых осуществляется в настоящее время деятельность российской высшей школы. Следует отметить, что эпоха постмодерна обладает уникальными особенностями, выделяющими ее среди других стадий общественного и культурного развития. Название этой эпохи, формально «пристегнутое» к эпохе предыдущей (и, надо признать, крайне неудачное, но вполне теперь уже утвердившееся), не должно вводить в заблуждение.

Попытки охарактеризовать постмодерн в этом качестве часто носят дескриптивный характер. Из представленных описаний мы узнаем, *каков* постмодерн (и постмодернизм как его философская рефлексия), какие свойства присущи данной культурной эпохе. Но из этих описаний зачастую трудно сделать выводы о том, *что есть* постмодерн, что он, собственно, собою представляет.

Обратимся к словарной статье, характеризующей такое явление, как постмодернизм: «Постмодернизм возникает как осознание исчерпанности онтологии, в рамках которой реальность могла подвергаться насильственному преобразению, переводу из “неразумного” состояния в “разумное”... Скептическое устранение от установки на преобразование мира влечет за собой отказ от попыток его систематизации; мир не только не поддается человеческим усилиям его переделать, но и не уместается ни в какие теоретические схемы» [12, с. 441]. Эта выдержка представляет верную, но, по-видимому, неполную характеристику постмодернизма. В ней сказано, что преобразование мира требует определенного планирования; однако развивающиеся системные инверсии обесценивают любые планы,

и потому от планирования лучше отказаться. Вместо этого, однако, уместно предложить развивать познание самих системных инверсий.

Реальное содержание обсуждаемой эпохи обусловлено действием постепенно назревавших предпосылок, которые и привели к ныне происходящим изменениям в структуре человеческой деятельности. До настоящего времени существовала вполне устоявшаяся, казалось бы, система человеческой активности, в которой иерархически высший уровень осуществлял символические операции, а уровень, осуществлявший непосредственно предметные действия (в том числе и все действия с орудиями труда), пребывал в подчиненном положении [4]. Однако постепенное усложнение предметной деятельности и орудий труда привело к тому, что этот подчиненный уровень активности вступил с вышестоящим символическим уровнем в инверсивные отношения, причем здесь сформировалась парадоксальная инверсия, разрешение которой, как уже говорилось, приводит к очередному шагу в поступательном развитии системы. И именно в настоящее время эта инверсия разрешается, вследствие чего уровень предметных действий выходит в системе активности человека на главенствующие позиции.

Действительно, орудия труда претерпели не только количественное, но и качественное усложнение. Одно дело, когда орудием труда является столярный инструмент, другое дело – электронный гаджет. В рассматриваемой статье на это имеются прямые указания: «“Революция интерфейсов” привела к нарушению правила, складывавшегося веками: чем совершеннее техника, тем большая квалификация и научная эрудиция требуется для управления ею. В XXI в. за счет усовершенствования интерфейсов работает иное правило: чем совершеннее техника, тем проще ею управлять. Фактически большинство пользователей эксплуатируют разнообразную технику как черные ящики кибернетики. Ребенку для пользования различными гаджетами и девайсами не требуется даже основ грамотности» [8, с. 89]. Отмечается «относительно независимое от науки развитие технологий и техники». В результате праксис в образовании оказывается важнее гнозиса, практические операции становятся иерархически выше символических [9]. Возникает разрыв между поколениями «отцов» и «детей», какого еще не знала история; «отцы» росли и развивались, когда никакого «цифрового мира» еще и в помине не было, а «дети» уже выросли в «цифровом мире» и просто уже не знают никакой иной реальности. Это, безусловно, так. Но чтобы понять суть эпохи постмодерна, осознания этого факта недостаточно – требуется обратиться к анализу не только уровня предметных действий, но и символического уровня, с которым он вступает в инверсивную связь, а в нем также в настоящее время происходят весьма значимые качественные изменения.

Символический уровень достиг в настоящее время определенного насыщения. Это выражается не только в том, что «знать всё», даже и в пределах одной научной специальности, давно уже невозможно принципиально. Феномен насыщения проявляется в том, что вторичное воздействие культурных феноменов возросло не только в количественном, но и в качественном отношении и стало самодовлеющим.

Особенно наглядно это явление проявляется в художественной культуре. Если Гомер, или Гесиод, или неведомый вавилонский автор, оставивший нам легенду про Пирама и Фисбу, творили еще на относительно девственной почве, то вся последующая художественная культура чем дальше, тем более пронизана аллюзиями на созданное ранее. И вот наконец настал момент, когда аллюзии эти затмили всё. Недаром культурную практику постмодерна сравнивают с попыткой строить чердак из кирпичей, выломанных из фундамента. Нового почти не создается; правят бал перепевы старого. Показательна в этом отношении фактическая смерть научной фантастики, направленной в будущее; ее место занял жанр фэнтези, занятый перелицовкой прошлого.

Данная культурная ситуация получает у различных современных авторов разные оценки – от позитивных до сугубо негативных. Так, Т.Ю. Терновая считает важнейшим (и позитивным) свойством «открытость разным эпохам». С точки зрения этого автора, постмодернизм, разрывая, казалось бы, незыблемые границы, создает свои временные рамки, глобализирует «ситуацию равноправного диалога культурно-исторических форм» прошлого и будущего, обнажает природу своей диалогической сущности [11, с. 116]. В противоположность этому А. Карпов соорудил целый манифест, разоблачающий деструктивную сущность постмодернизма:

«Постмодернизм лишил человека красоты. Страшное и мерзкое заняли свое место в искусстве наряду с прекрасным, а чаще – значительно потеснив его.

Постмодернизм лишил человека блага. Добро и зло еще можно отыскать в декларируемых системах ценностей, но постмодернизм уже давно перевел человечество на “ту сторону добра и зла”, поместив Ницше, обронившего эти слова, в число своих предтеч.

Постмодернизм лишил человека любви. Либидо и сексуальные комплексы – вот координаты для современного человека, обрисованные Фрейдом – еще одним кумиром постмодернистской культуры.

Постмодернизм лишил человека Неба. Никто не мешает нам верить, но предмет своей веры мы должны сконструировать сами. Вместо подлинного мы должны пользоваться эрзацем, поскольку постмодернизм нас убеждает, что подлинного не существует.

Постмодернизм лишил человека целостности. Отныне наша культура разбита на тысячи частей, мы обречены складывать коллажи из этих осколков – до бесконечности, как Кай, складывающий из льдинок в чертогах Снежной Королевы слово «свобода» [6].

Данная культурная реальность только подчеркивает и дополняет ситуацию ароморфоза в структуре человеческой активности, в которой праксис выходит на первое место по отношению к гнозису, а инструментальные действия становятся важнее символических операций мышления. И эта революция (а происходящее иначе как революция восприниматься и не может) грозит похоронить культурные достижения прошлого, вместо того чтобы использовать их как необходимый фундамент дальнейшего культурного строительства. Обеспечение же культурной преемственности во внесемейном воспитании неизбежно возлагается на профессорско-преподавательский состав учебных заведений (ибо больше в этом вопросе опираться особенно не на кого).

О духовной проституции

Ситуация в отечественном высшем образовании дала основание авторам говорить о превращении профессиональной деятельности преподавателя вуза в «духовную проституцию». Почему же они говорят о «духовной проституции» применительно именно к деятельности преподавателя? Разумеется, не потому, что данная деятельность основана на удовлетворении некоторой потребности субъекта на условиях почасовой оплаты: в этом случае нам пришлось бы записать в «проститутки» и врача, и психотерапевта, и социального работника, и (при известном напряжении фантазии) представителей многих других профессий, причем в основном совершенно незаслуженно. Основания называть ту или иную деятельность аналогом проституции появляются в том случае, когда эта деятельность происходит в условиях ценностной инверсии.

Что есть проституция в буквальном смысле этого слова? Как известно, это продажа (а точнее, сдача в повременную аренду) собственного тела для удовлетворения сексуальных потребностей клиента. Почему это занятие заслуженно считается презренным (хотя в некоторых странах его и пытаются сделать таким же респектабельным, как и любое другое оказание услуг)? Дело в том, что в этой деятельности заключена ценностная инверсия, причем двусторонняя: и со стороны клиента, и со стороны лица, предоставляющего подобные услуги.

Половое влечение, от природы присущее человеку, биологически необходимо, поскольку создает мотив для продолжения рода, для зачатия потомства. Оно носит, таким образом, служебный (иерархически подчиненный) характер. Приобретая же в результате системной инверсии гла-

венствующее значение, оно переходит в свою превращенную форму – в похоть, которая, собственно, и порождает спрос на услуги проституток. А предложение на данном рынке услуг порождается другой инверсией: сексуальная близость оказывается обусловленной не возвышенным чувством любви, а низменной материальной выгодой. Примечательно, что обе взаимодействующие стороны при купле-продаже сексуальных услуг не питают в отношении ценностных ориентаций друг друга никаких иллюзий. Наконец, «профессия» проститутки отличается еще и тем, что не требует от лица, которое ею занимается, ни ума, ни таланта, ни даже труда (в общепринятом смысле этого слова). Это, по существу, своего рода социальный дауншифтинг (чем проституция и привлекательна для известного круга лиц обоего пола). Если не брать в расчет те случаи, когда в занятие проституцией вовлекают против воли, в данную «профессию» охотно рекрутируются лица, категорически не склонные к систематическому труду.

Что же касается духовной проституции (если уж брать за рассмотрение такого понятия), то и здесь наблюдается ценностная инверсия у обеих взаимодействующих сторон. Например, священник, за определенную мзду «освящающий» чей-то дорогой автомобиль и озабоченный при этом не духовным таинством (в чем бы оно ни состояло), а получением этой самой мзды, занимается именно этим малопочтенным занятием. Но и его клиент также демонстрирует наличие ценностной инверсии, поскольку он на самом деле, вероятнее всего, предельно далек от религии и озабочен при проведении данного действия лишь соображениями моды или престижа. Примечательно, что и в этой ситуации и клиент, и тот, кто предоставляет услугу, прекрасно взаимно осведомлены о наличии ценностной инверсии у своего визави (хотя, быть может, и обозначают это состояние как-либо иначе).

И тут мы видим деятельность людей, лишь имитирующих трудовой процесс, но в реальности к труду не склонных, а склонных торговать если не телом, то социальным (духовным, культурным) статусом. В качестве примера можно привести еще профессора-искусствоведа Нино из фильма Тинто Брасса «Ключ» (1983): этот горе-профессор добывает себе средства на безбедное существование тем, что фиктивно удостоверяет подлинность заведомо поддельных картин. И в этом случае тоже присутствует ценностная инверсия у обеих сторон, заключающих сделку; и здесь присутствует торговля своим статусом и лишь видимость труда.

В работе вуза также вполне может сложиться ситуация, когда обе взаимодействующие стороны, т. е. обучающийся, получающий образовательную услугу, и преподаватель, эту услугу предоставляющий, пребывают (каждый со своей стороны) в ситуации ценностной инверсии. Студент фактически не учится – он только «отбивает номер» с целью получения

диплома. Преподаватель, понимая это, создает видимость учебного процесса, поскольку получает за эту видимость деньги. Ситуация нередкая, но возникает вопрос: сам ли преподаватель создал и поддерживает данную ситуацию? Почти наверняка в иной ситуации он предпочел бы отчислить нерадивого студента, с тем чтобы остальные получили наглядный урок, во что обходятся ценностные инверсии. Однако преподаватель прекрасно представляет себе, чем может закончиться и для вуза, и для него лично проявление слишком большой принципиальности – ведь и существование вуза, и наличие рабочих мест в нем целиком зависят от количества обучающегося контингента. В данном случае это вопрос не ценностных ориентаций преподавателя, а образовательной политики. Разумеется, среди преподавателей находятся и те, кто вполне комфортно чувствует себя в рамках имитационной (если угодно, карнавальной) деятельности, но не они составляют большинство, и даже им понятно, что в действительности такое положение дел идет вразрез с профессиональным достоинством преподавателя.

Именно об этом достоинстве и следует сказать несколько слов. Авторы обсуждаемой статьи приводят такое суждение: «Проституция – маргинализованная социальная роль, учительство, просвещение – напротив, одна из самых уважаемых. Совмещение этих ролей приводит к переживанию современной российской профессурой глубокого экзистенциального кризиса» [8, с. 82]. Но из приведенного выше анализа инверсивных отношений никак не следует, что каждый преподаватель в силу исполняемых профессиональных функций *обязан noblesse oblige* становиться «духовной проституткой», добровольно погружаясь в ситуацию ценностной инверсии, и, пребывая в этом качестве, только и помышлять о том, как бы продать подороже. Данному состоянию существует вполне разумная альтернатива, которую можно обозначить так: *солдат культуры*. Именно в самоидентификации с этим статусом и состоит достоинство преподавателя вуза.

«Солдат культуры» и его война

Культура есть объективно величайшая ценность, от сохранения и развития которой зависит дальнейшее существование не просто того или иного конкретного общества, но и человека разумного как такового. Великий мыслитель Эразм Роттердамский в своей книге «Оружие христианского воина» описывал два вида такого оружия – молитву и знание (*scientia*) [14, с. 98]. Применительно к сегодняшним реалиям молитва – то, что придает знанию сакральные черты, сообщает ему характеристики высшей ценности. Знание же остается оружием солдата культуры. Тот, кто не только производит межпоколенную ретрансляцию знаний (что само по себе критически важно), но и осуществляет упорядочение и пополнение куль-

турной информации, исполняет одну из поистине ключевых социальных ролей. Особенно это важно в описанной выше ситуации постмодерна. Если при этом преподаватель получает не соответствующую этой высокой миссии заработную плату – это, конечно, прискорбно, но по большому счету эта ситуация давно привычна и в качестве какой-то особенной беды уже не воспринимается. Во всяком случае, преподавательская деятельность обычно не рассматривается именно как способ материального обогащения. Можно, конечно, сказать, что солдат (в том числе и «солдат культуры») обязан, как известно, стойко переносить тяготы и лишения исполняемой им службы (хотя, конечно, семья преподавателя, которую он так или иначе должен содержать, не обязывалась переносить ни тягот, ни лишений). Но если в этой ситуации прослеживается социальная инверсия, то это инверсия парадоксальная: статус преподавателя в обществе высок независимо от его заработка (если, конечно, преподаватель в условиях ценностной инверсии сам не понизит этот статус). Высокое (относительно) положение в обществе преподаватель обретает на основании действия сущностного организационного принципа, а подчиненное положение – лишь на основании принципа атрибутивного (имущественного). Если преподаватель идентифицирует себя как «солдата культуры», то при этом совершенно не важно, учатся ли студенты у такого преподавателя на коммерческой основе либо за бюджетные деньги. Преподаватели с такой самоидентификацией не могут рассматриваться в качестве нанятого студентами персонала. Они не «оказывают образовательную услугу», они несут миссию.

Важнейший аспект этой миссии – привитие своим ученикам системной картины мира, которой, естественно, должен обладать и сам преподаватель. Именно здесь, по-видимому, кроется ответ на вопрос, поставленный авторами рассматриваемой статьи: «Преподаватель и обучающиеся имеют равный доступ к источникам информации, что снимает вопрос о том, кто из них является более эрудированным. А это ставит простой вопрос – кого теперь считать умным человеком?» [8, с. 89]. Ибо никакой свободный доступ к источникам информации сам по себе системную картину мира в голове обучающегося сформировать не может и «ума» не прививает. «Умный» – разумеется, не просто эрудированный, а тот, чьи знания имеют системный характер, кто умеет оперировать этими знаниями, критически воспринимать окружающую действительность, а также принимать решения со знанием дела.

Возможно, в представленной здесь этической модели «солдата культуры» присутствует некоторый элемент идеализации, но идеал и есть то, к чему нужно стремиться. Вуз издавна называют храмом науки. От направленности образовательной политики зависит, будет ли он храмом и не превратится ли он в рынок, где торгуют «образовательными услугами».

Стоит вспомнить, что видный отечественный философ Б.В. Марков рассматривает храм как «место производства человека», рынок же разрушает моральное единство, создаваемое в храме [7]. Станет ли храм филиалом рынка, зависит все-таки в большей мере от «служителей» храма, чем от его «прихожан». Впрочем, еще в большей степени это зависит от «церковного начальства» из Минобрнауки, чьи решения порой носят весьма спорный характер.

Во всяком случае, обязанность противостоять деструктивным ценностным инверсиям в образовании уже сама по себе способна наполнить жизнь преподавателя смыслом, а наполненность жизни смыслом важна не менее, чем наполненность деньгами банковского счета. Недаром среди преподавателей можно встретить немало людей, которые пришли в вузы из сферы бизнеса, поскольку деятельность, направленная исключительно на зарабатывание денег, не приводит к наполнению жизни смыслом, а у многих лишь порождает ситуацию экзистенциального кризиса. Подготовка смены, позволяющая продлить собственную личность в других, безусловно создает такой смысл.

Заключение

Разумеется, мы рассмотрели не все моменты, приведенные в статье П.А. Ореховского и В.И. Разумова. Как уже говорилось, в этой статье многие проблемы лишь обозначены, но не раскрыты. Если авторы статьи ставили себе цель создать почву для дискуссии по разрешению этих проблем, они, безусловно, этой цели достигли. Однако проблемное поле образования настолько обширно, что охватить все его «болевы точки» в одной статье едва ли возможно. Вместе с тем, как было показано выше на многих примерах, существенным подспорьем в разрешении этих проблем может быть анализ инверсивных отношений. Знание общих механизмов функционирования системных инверсий позволяет анализировать противоречия в иерархических системах и прогнозировать дальнейшее развитие этих систем, что в полной мере касается современного российского образования.

Литература

1. Аксеновская А.Н. Ордерное понимание организационной культуры // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30, № 4. – С. 25–32.
2. Амонашвили Ш.А. Императивное обучение и его недостатки // Мир науки, культуры, образования. – 2007. – № 1. – С. 76–78.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
4. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 496 с.

5. Дебор Г. Общество спектакля. – М.: Опустошитель, 2011. – 178 с.
6. Карпов А. Антиномии постмодернизма. – URL: http://www.culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1212&Itemid=9 (дата обращения: 10.02.2021).
7. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб.: Алетейя, 1999. – 296 с.
8. Ореховский П.А., Разумов В.И. Время карнавала: российские высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 77–94. – DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.
9. Севостьянов Д.А. Исследование активности человека: инверсивный анализ в контексте постнеклассической рациональности // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 117–124.
10. Севостьянов Д.А. Противоречие и инверсия. – Новосибирск: Золотой колос, 2015. – 245 с.
11. Терновоя Т.Ю. Постмодернизм как культурно-исторический диалог (на материале произведений Джона Фаулза). – URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/36432/31-Ternovaya.pdf?sequence=1> (дата обращения: 10.02.2021).
12. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с.
13. Хорольский В.В. Медийность и научность: сиамские близнецы или дальние родственники? // Вестник ВолГУ. Серия 8, Литературоведение. Журналистика. – 2015. – № 1 (14). – С. 42–51.
14. Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина // Эразм Роттердамский. Философские произведения. – М.: Наука, 1986. – С. 90–217.
15. Putnam H. Pragmatism and realism / ed. by J. Conant and U.M. Zeglen. – London; New York: Routledge, 2005. – 242 p.
16. Meer J.M. van der. Order. – URL: <http://www.encyclopedia.com/topic/Order.aspx> (accessed: 10.02.2021).

Статья поступила в редакцию 02.07.2020.

Статья прошла рецензирование 30.07.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-52-68

POSTMODERNISM IN EDUCATION AND SYSTEM INVERSIONS

Sevostyanov Dmitry,*Cand. of Sc. (Medicine),**Associate Professor, Department of Personnel Policy
and Personnel Management**Novosibirsk State Agrarian University,**160 Dobrolyubova Street, Novosibirsk, 630039, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-7142-3188

dimasev@ngs.ru

Abstract

This paper is a detailed review of the article by P. A. Orekhovskiy and V. I. Razumov 'The Carnival Time: Russian Higher School and Science in the Postmodern Era'. The author considers the main problems shown in this article.

In order to study these problems the author uses a method of analysis of inverse relations in hierarchical systems as a theoretical basis. System inversion is a form of relations in hierarchical systems, in which the lowest element receives the dominant value in the system, formally remaining in the same subordinate position. This situation can occur both in the social hierarchy and, for example, in the hierarchy of values. As a result of the developed inversion, contradictions accumulate in the system, which can lead to the collapse of this system or to a radical transformation. Such processes can be observed in modern education. This is why there is a priority of the visible over the existent, as it happens in the situation of 'carnival'.

The article by P. A. Orekhovskiy and V. I. Razumov examines the postmodern cultural context in which modern education functions. In this regard, the author presents an interpretation of the postmodern situation from the point of view of analyzing system inversions. The current state of the educational sector is determined by the resolution of inversion in the system of human activity. This inversion covers the instrumental and symbolic aspects of human activity. Due to this, there are features of educational activities related to the introduction of digital technologies, which P. A. Orekhovskiy and V. I. Razumov pay special attention to.

The authors of the article describe the status of the modern teacher's activity as 'spiritual prostitution'. Indeed, the activities of some teachers can be described by this term. However, this happens when both the teacher and the student experience a value inversion (as is the case with ordinary prostitution). Instead of this model of behavior, the author suggests another one, more worthy, – a 'soldier of culture'. 'Soldiers of culture' do not 'provide educational services', they have a mission to broadcast and enrich culture, which is the highest, terminal value.

Keywords: education, culture, activities of a teacher, hierarchy, system inversion.

Bibliographic description for citation:

Sevostyanov D. Postmodernism in Education and System Inversions. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 1, pt. 1, pp. 52–68. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-52-68.

References

1. Aksenovskaya L.N. Ordernoe ponimanie organizatsionnoi kul'tury [Order understanding of organizational culture]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2009, vol. 30, no. 4, pp. 25–32. (In Russian).
2. Amonashvili Sh.A. Imperativnoe obuchenie i ego nedostatki [Lacks of imperative training]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of Science, Culture and Education*, 2007, no. 1, pp. 76–78.
3. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 543 p.
4. Bernshtein N.A. *Fiziologiya dvizhenii i aktivnost'* [Physiology of movements and activity]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 496 p.
5. Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow, Opushtitel' Publ., 2011. 178 p. (In Russian).
6. Karpov A. *Antinomii postmodernizma* [Antinomies of postmodernism]. Available at: http://www.culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1212&Itemid=9 (accessed 10.02.2021).
7. Markov B.V. *Khram i rynek. Chelovek v prostranstve kul'tury* [The Temple and the Market. Man in the Space of Culture]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1999. 296 p.
8. Orekhovskiy P.A., Razumov V.I. Vremya karnavala: rossiiskie vysshaya shkola i nauka v epokhu postmoderna [Carnival time: Russian higher education and science in the postmodern era]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 1, pp. 77–94. DOI: 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94.
9. Sevost'yanov D.A. Issledovanie aktivnosti cheloveka: inversivnyi analiz v kontekste postneklassicheskoi ratsional'nosti [The study of human activity: inverse analysis in the context of post-non-classical rationality]. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 2013, no. 9, pp. 117–124. (In Russian).
10. Sevost'yanov D.A. *Protivorechie i inversiya* [Contradiction and inversion]. Novosibirsk, Zolotoi kolos Publ., 2015. 245 p.
11. Ternovaya T.Yu. *Postmodernizm kak kul'turno-istoricheskii dialog (na materiale proizvedenii Dzhona Faulza)* [Postmodernism as a cultural and historical dialogue (based on the works of John Fowles)]. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/36432/31-Ternovaya.pdf?sequence=1> (accessed 10.02.2021).
12. Frolov I.T., ed. *Filosofskii slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Respublika Publ., 2001. 719 p.
13. Horolskij V.V. Mediinost' i nauchnost': siamskie bliznetsy ili dal'nie rodstvenniki? [The media and scientific: conjoined twins or distant relatives?]. *Vestnik Volgograd-*

skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8, Literaturovedenie. Zburnalistika = Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism, 2015, no. 1 (14), pp. 42–51.

14. Erasmus of Rotterdam. Oruzhie khristianskogo voina [Weapons of the Christian warrior]. Erasmus of Rotterdam. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical work]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 90–217. (In Russian).

15. Putnam H. *Pragmatism and realism*. Ed. by J. Conant and U.M. Zeglen. London, New York, Routledge, 2005. 242 p.

16. Meer J.M. van der. *Order*. Available at: <http://www.encyclopedia.com/topic/Order.aspx> (accessed 10.02.2021).

The article was received on 02.07.2020.

The article was reviewed on 30.07.2020.